

The background of the cover is a stylized, painterly illustration of a city scene. In the foreground, a person wearing a white helmet, a blue face mask, and a dark, patterned jacket is sitting on a ledge, looking down. They are wearing blue sneakers with yellow stripes. The background shows a city with a bridge, buildings, and trees, all rendered in a vibrant, almost surreal color palette of purples, blues, and yellows. The title 'Повесть о вандализме' is written vertically in large, white, bold letters on the left side of the cover. The author's name 'Ольга Дерябина' is at the bottom right. There are also some smaller text elements and a rating circle.

Повесть о вандализме

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ольга
Дерябина

18+

Ольга Сергеевна Дерябина

Непутёвый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31514712

SelfPub; 2018

Аннотация

Юрку Иванова назвали в честь Гагарина. Но мальчишка, родившийся в Советском союзе и выросший в 90-ые, не оправдал космических надежд семьи. Он вновь и вновь попадает в нелепые ситуации, объясняя полосу неудач своей непутевостью. Однако судьба вновь и вновь даёт ему шанс направить свою жизнь в нужное русло. Воспользуется ли он этим? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. «Само собой» – ребенок	4
Глава 2. Не герой	15
Глава 3. Невеста	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Глава 1. «Само собой» – ребенок

Юрка Иванов сидел в пионерской комнате, где успел все изучить до мельчайших деталей. Майским утром ее заливало по-летнему яркое солнце. Красный палас перечеркивала тень Ленина, белый бюст которого был установлен в центре.

Лучи добирались до знамени, развешанном на стене. С одной стороны нитки бахромы были небрежно переплетены, из-за чего напоминали ноги в танце. Как в буги-вуги, которые любил отплясывать отец по праздникам. На массивной волне сверху проглядывалась легкая серость.

«Интересно, а на знамени можно вытирать пыль? Или постирать его? Моя бы мама постирала. Поругалась бы, что опять все подряд домой тащу, а потом постирала», – подумал третьеклассник.

С другой стороны, за гордым гипсовым горнистом был стеллаж с различными наградами, завоеванными школьниками. Над кубками, рамками с дипломами тянулась растяжка «Пионер – всем пример!».

Все-таки какие молодцы наши ребята, – подумал Юрка и вздохнул: – А я не такой. Я непутевый».

Юрка был горе-ребенком, детство которого проходило в

счастливых 80-ых. За свои 10 лет он столько набедокурил, сколько некоторым взрослым за всю жизнь не под силу. Он не делал пакостей случайно, всё получалось само собой. Стечение обстоятельств, как любил объяснять скромный на вид мальчишка.

У Юрки были волосы «соломой». По цвету напоминающие зрелую пшеницу, по форме – сноп до бровей и вихром на макушке. В серых глазах читалось вечное удивление и оправдание.

Как и его мальчишки-ровесники, он был щуплым малым, которого переросли почти сверстницы-девчонки. Но они, говорят, вообще взрослеют быстрее. Вон у некоторых уже кармашки фартука стали приподниматься на зреющей груди.

Одна из таких девочек – отличница Оля Ястребова – сидела с ним за одной партой. Учитель решила, что образцовая ученица послужит хорошим примером для сорванца и троечника.

Оля и вправду старалась его подтянуть, настойчиво удерживая его на переменах и терпеливо объясняя, что тот не понял на уроке. А как тут поймешь, если ему было интересно не то, что говорит учитель, а что за фартуком у соседки. Особенно прекрасный вид открывался, когда лямки, сдавливающие первые округлости, игриво спадывали с плечика.

Соседка решала, что Юра подглядывает списать и периодически огревала его деревянной линейкой по лбу.

«Просто я ей нравлюсь», – думал про себя сосед по пар-

те. И однажды на перемене решил проверить свою догадку, неожиданно, неуклюже и звонки чмокнув Олю в розовые губки.

Пионерский значок на фартуке как в отместку больно уколол мальчишескую грудь.

– Ты что творишь?! – отличница лупанула линейкой так, что вдоль 20 из 30 сантиметров образовалась трещина.

– Бьешь – значит, любишь! – Юрка продемонстрировал щербатую улыбку.

– Дурак! – Оля в сердцах снова треснула его линейкой, что она разлетелась на две части, звонко грохнувшись о пол.

Юрка счастливо улыбнулся. Он видел, как щеки соседки стали чуть румянее, а сама она опасалась смотреть в глаза.

Нежные чувства, правда, не помешали Оле пожаловаться по поводу выходки одноклассника. После уроков к нему домой пришла бабушка Ястребовой – они были соседями не только по парте, но и по подъезду в пятиэтажке-«хрущёвке». Неугомонного мальчика она оприходовала мокрой половой тряпкой в воспитательных целях. И это было очень обидно: во-первых, наказывать не за что, во-вторых, тогда уж ремнём – привычнее.

Или снова вызвали к завучу по воспитательной работе Анне Матвеевне, что было ещё привычнее.

В кабинете Анны Матвеевны Юрка был частым гостем.

Потому что «непутевый». Смысл этого слова он понимал плохо, но чётко усвоил, что это про него.

Последние три недели завуч занимала пионерскую комнату, пока в её кабинете делали ремонт. Юрка был даже рад смене обстановки: в предыдущем интерьере он давно успел изучить все до мелочей.

Анна Матвеевна была высокой женщиной. Волосы с серыми прядками аккуратно собраны в шишечку над горловиной бледной водолазки под бледно-серым пиджаком. В отличие от других взрослых женщин она не рисовала брови, не наносила ярко-голубые тени на веки и не красила губы красной помадой.

Юрке было интересно, сколько лет завучу, в каком возрасте можно так выглядеть? В тридцать? В сорок? Или в период под страшно древним названием «пенсия», которая почему-то никак для нее не наступает, раз она работает?

Спросить он не решался после другой оплошности, когда сказал, что у нее больше волос на ногах, чем у его отца. Хотел вообще-то сделать комплимент. Вместо благодарностей завуч оттащила его за ухо, а потом стала носить более длинные юбки.

Юрка услышал, как резко открылась дверь в пионерскую комнату и также резко закрылась, затем последовали знакомые стремительные шаги.

Ученик посмотрел на Анну Матвеевну с надеждой на понимание, но сегодня она была сильно сердита. Он это понял

по упрямо сжатым губам и заострившемуся над горловиной бледной водолазки лицу.

– Иванов, ну сколько можно? Ты собираешься когда-нибудь прекращать? – спросила Анна Матвеевна.

Юрка растерялся. Невоспитанно не отвечать взрослым. Однако он не знал, как ответить на такой странный вопрос. Что именно прекращать – завуч не уточнила.

– Твои старшие брат и сестра прилежно учатся. И с поведением никаких проблем нет. Мы всегда ставим в пример Валу и Виталика. А ты что?

– А что я-то? – возмутился Юрка. – Вы же сами говорили: я непутевый.

– Так это не утверждать надо, а доказывать обратное! Своими поступками!

– Не получается доказать, – вздохнул Юрка и добавил фразу, которую где-то слышал: – Горбатого могила исправит.

– Да ты издеваешься? – взвизгнула завуч. – Можно просто вести себя по-человечески? Сначала Оля, потом Лена...

...С Леной правда получилось нехорошо. Они гуляли в местном парке, где между деревьями расставлены потемневшие от времени, с остатками краски турники и качели. В сторонке установлены два бочонка, у которых не хватало несколько деревянных досок. Пару досок не хватало и у накренившегося большого круга, что, впрочем, не мешало детворе крутиться на нем, крепко сцепившись в темную железку.

Одноклассница попросила ее раскрутить на покосившемся круге посильнее. Юрка старался как мог, отталкивая железки все сильнее и сильнее. Потом Лена истошно закричала «Останови!» Он постарался остановить круг, и по инерции упал сам. Скорость это сбавило, девочка неловко упала на землю, но не так сильно.

Ее юбка задралась, а потом ее вырвало борщом под общее «фу-у» ждавших своей очереди мальчишек и носившейся рядом малышни. Дети разбежались как от чумы, а Лена, ненавидяще глянув на одноклассника, убежала домой.

Анна Матвеевна лишь всплеснула руками.

– Ты хоть понимаешь, что тебя могут не принять в пионеры за твои проделки?

Юрка насупился. Некоторым одноклассникам, в том числе соседке Оле, повязали галстук еще на ноябрьскую годовщину революции. Другие вступили в почетные ряды в годовщину дня рождения Ульянова-Ленина. Оставалась небольшая группа детей, чья очередь должна была наступить в мае, в День пионерии. И из всей параллели только по одному кандидату были сомнения.

– Ты понимаешь, что это значит? Это конец всему! – Анна Матвеевна раскраснелась. – Если ты не станешь пионером, то и комсомольцем не будешь. Как ты будешь учиться, работать? Надо думать о будущем, а не шалостях. Ты все понял?

Упрямое молчание третьеклассника зауч приняла за знак согласия. Хотя Юрка думал о своем: как красный гал-

стук повлияет на его будущую работу?

К счастью обоих – и школьника, и завуча – скоро закончился учебный год. И Юрка, ставший-таки пионером, отправился на продолжительные каникулы.

Он шел знакомой дорогой домой, не чувствуя тяжести портфеля на плечах. Галстук приятно трепал ветер, жесткие краешки периодически касались подбородка. Мысленно он уже неся с мячом по двору в компании таких же беззаботных счастливицков, пока всех не развезли по бабушкам и дачам.

Юрка так увлекся своими мыслями, что не заметил на пути Геру – Антона Герасимова. Он был длинным, с рыжими непослушными, как сам хозяин, волосами, и басистым смехом. Если он начинал над кем-то издеваться, то его было слышно далеко.

Главный школьный хулиган должен был уже пересечь за парту училища, но дважды оставленный на второй год продолжал трепать нервы ученикам и учителям.

Третьеклассник еще не увидел опасность, но Гера с друзьями уже наметил жертву.

– Гляньте ка, пацаны! Пыонэры смелые, с галстуком примэрные! – начал кривляться Гера. – Куда чешешь такой ответственный?

«Трое на одного – не по-пацански, но для Геры это не ар-

гумент», – думал Юрка, понимая, что помощи ждать неоткуда. Не кричать же «Помогите» – засмеют еще. Бежать тоже было стыдно. Если уж станут бить, то пусть будет за что. И школьник пошел в атаку:

– А ты завидуешь, наверное! Самого поди не приняли. Побоялись, что галстук треснет от стыда, – гордо выпятив грудь, прокричал Юрка. Пусть все знают, какой он бесстрашный, почти герой!

Дети и вправду услышали начало перепалки и стали подходить ближе. Но не слишком близко, чтобы самим ненароком не схлопотать от Геры. Вступить на третьеклассника никто не собирался.

– Ты хоть понимаешь, что своим паскудным ртом сейчас забил все гвозди в своем гробу? – пошел в наступление Гера. – Я же тебя живьем урою...

– Только попробуй! – Юрка не понимал, откуда у него взялось столько храбрости. Он не стал тушеваться и даже сделал шаг вперед.

Нога на что-то наступила, и он чуть не упал. Юрка посмотрел вниз – прямо под ним лежал спасительный булыжник. Здоровенный, тяжелый – как знал, что сегодня ему предстоит важная миссия.

– Я сам тебя урою! – третьеклассник схватил камень и замахнулся.

В этот момент что-то блеснуло. Отступать из-за помехи Юрка не собирался и со всей силы швырнул булыжник в сто-

рону Геры. В следующий момент послышался звон стекла и визг шин.

Зевак как ветром сдуло. Гера с друзьями мигом оказался на другой стороне дороги, словно только появился на горизонте и никакого отношения к происходящему не имеет. И вообще он сама невинность, как нетронутая белая шевелюра рассыпавшихся по земле одуванчиков.

Из остановившейся машины вылез сосед по лестничной площадке дядя Петя. Он несколько дней назад купил машину – свою первую в жизни – и страшно гордился этим. Об этом уса́тый дядька все уши прожужжал, как говорила мама. Юрка еще удивился: такой большой, а в ухо жужжит. Жалко, что он сам этого не видел, только бесконечные похвалы его новой «ласточке».

Сейчас дядя Петя был бледен. Он одной рукой держался за сердце, второй опирался о полированную поверхность, чтобы обойти машину.

В блестящем на солнце стекле виднелась дыра, похожая на неровную снежинку. Юрка замороженно смотрел на вычурный рисунок.

Дядя Петя шевелил губами. Что-то бормоча под нос.

– Негодный мальчишка, – переводя дыхание, вслух произнес сосед. – Ты хоть понимаешь, сколько сил, времени и денег вложено в эту машину? – сосед снова стал беззвучно шевелить губами. – Я ж пылинки с нее сдувал, боялся дверцей хлопнуть! А ты, гаденыш такой, стекло выбил. Ты хоть

представляешь, как его доставать? Сколько оно стоит на толкучке?

– Я не хотел, – ответил Юрка в свое оправдание. – Оно само получилось.

– Что значит получилось? – теперь сосед покраснел. – Булыжник сам полетел?

– Не сам, – согласился Юрка. – Но я не хотел попасть в вашу машину.

– А куда ты целился? В других мальчиков?

«Мальчики» уже басисто гоготали вдалеке.

– Да, в них. Но они первые начали.

– Камнями кидаться?!

– Нет, они пионером меня обзывали.

– Так ты и есть пионер. И за это ты поднял на них камень? – дядька вдруг стал возмущаться. – Знаешь что – ты не достоин быть советским пионером. Снимай галстук.

Юрка посмотрел на соседа, не веря своим ушам.

– Снимай, снимай, – повторил тот.

– Не вы мне галстук повязали и не вам решать, когда его снимать, – твердо заявил Юрка.

– Ох я до твоих родителей дойду... – злорадно протянул сосед.

– Нашли чем пугать, – пробубнил под нос Юрка. – Я тоже домой собираюсь.

Он уже понимал, что не видать ему нового велика, а ждать ему ремня и привычного угла в коридоре, из которого, по

закону подлости, не видно телевизор с мультиками или кино.

Сколько же неприятностей приносит этот галстук, думал Юрка по пути. Он и без того был непутевый, а новый статус добавил бед.

Впереди оказалась здоровая лужа. Третьеклассник посмотрел на себя в отражение. Печальные глаза под пшеничными волосами, которые пытаются достать красные кончики. Вздыхнув, он снял галстук и швырнул его в лужу. На ветру его снесло в сторону, и он приземлился возле грязной воды.

За спиной послышался возмущенный вздох. Юрка обернулся и увидел Анну Матвеевну. Завуч широко открыла глаза и прикрыла губы ладошкой. «Вот теперь я влип окончательно», – печально подумал пацан.

После этого случая его воспитывали на общешкольном собрании. Соседка Оля с подружками нарисовала плакат-молнию, порочащий поступок третьеклассника. Юрка с интересом рассматривал рисунки между кричащими красной краской словами, среди которых выделялось главное – «Позор!».

На картинках был симпатичный мальчик, очень похожий на «недостойного пионера». «Все-таки любит», – довольно улыбнулся он.

Глава 2. Не герой

Родители надеялись, что с годами непутевый сын остепенится. Детские глупости останутся позади и начнется *нормальная* жизнь, в первую очередь для их семьи.

– Тебя ж в честь Гагарина называли, – упрекала мать. – Он стал первым космонавтом. А ты кем растешь?

Юрке сложно было ответить на этот вопрос. Впрочем, как и большинству его сверстников-шестиклассников. Он не знал, кем хочет стать, но точно не космонавтом.

Конечно, интересно было бы подняться в небо, посмотреть на Землю, попытаться разглядеть свой город, дом, друзей. Однако потом обязательно что-нибудь бы случилось. Отказал двигатель или его корабль сожрало инопланетное существо. Ведь он был самым невезучим ребенком, как минимум в их семье.

Микрорайон, где он рос, вел вечную войну с соседним. Обычное, в общем-то, дело. Юрка тоже участвовал в массовых потасовках, периодически возвращаясь домой в ссадинах и с фонарями под глазами.

На «махачи» он попадал за компанию или, что чаще, случайно. Как-то после очередной драки его заставили несколько дней сидеть дома. Хотя бы для того, чтобы не пугать соседей «начищенной мордой».

Сын в общем-то был не против отдохнуть. Относитель-

но, конечно, так как семейство, похоже, спутало его со сказочной Золушкой, оставив здоровенный список дел на день. Правда, выполнять их Юрка не торопился.

Дождавшись, когда захлопнется входная дверь, он сначала прильнул к окнам – убедиться, что родители и брат с сестрой ушли на работу и учебу. Потом помчал в родительскую спальню в надежде на удачу. Удача нынче его не подвела: на полированной тумбочке у кровати стояла пепельница, а рядом лежала початая пачка сигарет с зажигалкой.

Юрка довольно улыбнулся. Он уже в шестом классе, пора начинать курить!

Родители обычно дымили в постели, открыв форточку. Младший сын тоже приоткрыл окно, включил телевизор и плюхнулся на скрипучую кровать. Сладко потянулся, почувствовав возбуждение от предстоящего вступления во взрослую жизнь.

Перевернувшись с боку на бок, он оказался у тумбочки и «подарка» на ней. Он потянулся за пачкой, когда на ум пришла тревожная мысль. Вдруг осталась одна или две сигареты, тогда родители точно увидят недостачу. Но опасения оказались напрасными, в упаковке было не меньше полпачки.

Юрка аккуратно вытащил одну из них и засунул ее в рот, почувствовав странный привкус фильтра. В последний раз выдохнул, он чиркнул зажигалкой и поднес ее к сигарете. Огонь обуглил тонкую белую бумагу, табак под ней стал ды-

миться.

Парню стало немного страшно, но нельзя останавливаться на полпути. Он шумно вдохнул воздух, попавшие в легкие белые клубы вызвали приступ кашля. Дым от сигареты противно щипал глаза.

Юрка чуть не выронил горящую сигарету на покрывало, но ловко удержал. Впрочем, в следующее мгновение от разжал пальцы от неожиданности. В прихожей решительно лязгнул замок, так обычно открывал дверь отец.

Сын заметался по комнате, пытаясь разогнать дым руками и перестать кашлять. Он подскочил к окну и выбросил окурок в форточку. Кинул сигареты на тумбочку и рванул в туалет, чувствуя, что сейчас ему это требуется по назначению.

Через закрытую дверь он слышал, как отец прошел в свою спальню, затем одернул штору и открыл окно. Потом за чем-то включил воду в ванной и начал ходить туда-обратно. Из дальнейшей возни Юрка не мог разобрать, что происходит, но явно слышал несколько крепких матерков.

Резкий стук в дверь заставил его вздрогнуть.

– А ну-ка вылезай, – рявкнул отец. – Буду дурь из тебя выбивать.

Живот прихватило еще сильнее.

– Не могу, видимо, что-то не то съел, – пропищал сын и обильно побрызгал освежителем. Больше для того, чтобы скрыть следы табачного дыма.

– А ну быстро открывай. Мне на работу надо ехать, – рявк-

нул отец сильнее.

Выходить было страшно, но еще страшнее заставлять отца ждать.

– Так езжай, – пропищал Юрка, надеясь, что все обойдется. Сейчас ему не влетит, а к вечеру отец обо всем забудет.

Дверь с силой дернулась, заставив снова вздрогнуть. Внизу все упало. Шестиклассник даже представить не мог, какое наказание его ждало. Нажав кнопку смыва, он обреченно открыл замок.

Отец был свиреп, отец был с ремнем.

– Я тебе покажу, – рычал он. – Сейчас вмиг выбью все желание курить.

– Я не курил! – Юрка не отчаивался избежать наказание.

– А кто же? – отец не унимался. – Ты хоть соображаешь, что чуть пожар дома не устроил?

– Я? – искренне удивился сын.

– А кто еще? – отец схватил Юрку за ворот футболки и потащил в спальню, где до сих пор витали клубы дыма. – Мало того, что прожег покрывало, – отец ткнул пальцем в новую дыру на цветастой поверхности. – Так еще бычок выкинул в сетку от комаров, – также за шкварник отец довел сына до окна.

На выгоревшей на солнце сетке появилась обугленная дырка, а между створками на белой поверхности темно-коричневое пятно в лужице. Юрка зажмурился. Вот ведь дурак, так глупо спалиться.

После наказания он дня три не мог сидеть. Урок пацан запомнил: прежде чем начать дымить в родительской спальне, надо подождать с полчаса – вдруг вернутся. А по-настоящему дымить он научился в беседке детского садика с другими новичками.

Через месяц лицо очистилось от синевы и желтизны. «Хоть на человека стал похож», – ворчали старухи-соседки. Наркоманом пока не называли – не дорос до этого статуса.

Родители тоже подрастаслабились после его выходки и последующей взбучки. В общем-то жизнь возвращалась в обычное русло. И, как бы это не звучало банально, ничего не предвещало беды.

Было обычное воскресенье, когда мать хватилась хлеба. Снарядив мелочью, она отправила младшего сына в магазин в соседнем доме. Юрка собрался, насвистывая мелодию Цоя, а потом с грохотом галопом неся по лестнице вниз. Пацаны наверняка уже гуляли, надо успеть хоть поздороваться.

Он шел по двору, когда в кустах между домами увидел какое-то движение. Со стороны было непонятно, что там творится. А творилось явно интересное: вот бабульки уже заняли центровые места на скамейке и наблюдали, что-то обсуждая.

Юрка прибавил ходу, надеясь, что успеет застать зрелище. Обидно будет, если он попадет лишь к его окончанию.

Разогнавшись, он не успел затормозить и нырнул напрямиком в кусты.

Здесь была в разгаре драка – микрорайон с микрорайоном. Юрка понял это слишком поздно, когда с двух сторон ему досталось кулаками. Он пытался защищаться, отбиваться, но удары продолжали сыпаться на него. Били и чужие, и свои, когда промахивались по соперникам.

Было ощущение, что он оказался в парке неподалеку, на покосившемся деревянном круге, с которого когда-то упала Леночка. Юрка не знал, сколько времени длилась его карусель, пока кто-то резко не заломил руку за спиной.

– Стоять, – приказал ему незнакомый дядька и крикнул в сторону. – Одного взял!

Как позже выяснилось, правоохранители сумели взять только одного Юрку – остальные пацаны вовремя увидели ментов и разбежались по округе. Пока школьника вели по коридорам милицейского участка, его терзали две вещи: почему и здесь стены наполовину выкрашены в синий цвет («мода такая, что ли») и не оголодает ли семья без хлеба, который он вовремя не принесет.

Потом он стал вспоминать дворовые «истории бывалых» – как надо вести себя в милиции. Главное – молчать, иначе на всю жизнь останешься «крысой».

За окном завывала собака. К покойнику, вспомнил Юрка, решив, что из ментовки ему живым не выйти. А если так – то помирать он будет с музыкой. Может, его даже будут вспо-

минать как героя. Вряд ли на школьных уроках и линейках, но на ближайших скамейках и в подвалах – точно.

Он вскочил со стула, который ему отвели в тесном кабинете.

– Ничего вам не скажу, волки поганые! Убивайте как есть!

Дядька за столом, к которому его вели долгими коридорами, растерянно посмотрел на пацана через толстые очки. Через секунду Юрка услышал смех за спиной, который пытался сдержать другой мужик в форме. Впрочем, боролся он недолго, скоро начав хохотать в голос. Собака да окном отчаянно заскулила. Юрка нервно сглотнул.

– Ой, не могу, – успокоившись, сказал дядька. – Шкет, ты чё, «Неуловимых» насмотрелся?

Юрка насупился еще больше.

– Мда, – подняв брови, протянул первый – в толстых очках. – Тебя как зовут-то, Юра?

– Как вы... – изумился школьник. В голове пронеслись фильмы про милицейские операции и про шпионов. Так меня уже «пасут»! Парень снова вздохнул.

– Да не пугай ты его, Петрович! – снова хохотнул второй – за спиной. – А то он вон какой – герой! – уже нравоучительно продолжил он. – Мало побили, так еще здесь надо характер показывать решил. Ты куда такой красивый от побоев метишь? В тюрьму? Так там совсем не романтично, как в подъезде рассказывают.

– Зачем вы следили за мной? – насупился пацан.

– Больно сдался, – фыркнул тот, что в очках.

– Мы за всеми следим, кто плохо себя ведет, – без тени улыбки заявил второй. – И когда надо – вмешиваемся.

«Гонит... – подумал Юрка. – Или нет?».

Его еще помуржили, больше воспитанием. Потом приехали мать с отцом. Они были больше испуганы, чем злы. Сын слышал обрывки их разговора. Про какой-то там учёт, бумагу в школу, первые предупреждения. Родители оправдывались, уговаривали до полного выматывания себя и милиционеров.

Потом его повезли домой. По пути родители молчали. «Может, забудут наказать», – обнадежил себя Юрка.

Родители не забыли, младший снова огреб свое.

Перед сном его продолжал мучить вопрос: как в милиции узнали, как его зовут?

– Мне кажется, что я под колпаком, – поделился он своими подозрениями со старшим братом.

Тот расхохотался:

– Весь двор под колпаком – у наших бабок. Те всех сдали: кто дрался, кто не в первый раз. Ну и кто ты такой.

«Надо держаться от них подальше, – решил Юрка. – Может быть даже сменить внешность».

Глава 3. Невеста

Подростковый возраст наступил у Юрки в начале 90-ых. Когда как из рога изобилия появилось множество соблазнов. Родители не знали, как оградить и без того бедового сына от происходящего вокруг. Но больше их заботило выживанием в новой реальности.

Мать быстрее сообразила, что надо срочно менять профессию. Закинув образцовую трудовую книжку с дальний ящик, она переквалифицировавшись в «челнока». Постоянно куда-то ездила, возвращалась с битком набитыми клетчатými сумками, привезенную одежду шустро продавала на местном рынке.

У детей не было дефицита в новых шмотках. В гардеробе Юрки были только приличные фирменные вещи, никаких штанов с лампасами, в народе именуемые «радость лоха», и тому подобное сроду не было. «Фанту» в семье пили не только по праздникам, а «сникерсы» лопали целиком, не разрезая батончики на пятерых.

Отец стал чаще прикладываться к бутылке. Он оставался верен своей инженерной профессии, несмотря на хроническую задержку зарплаты и ощущения ненужности в новом времени.

От отчаяния отец стучал по столу кулаком, пытаясь понять: как он, надежный добытчик, в итоге оказался на шее у

жены. Та не попрекала его куском хлеба с колбасой, но всё чаще намекала, что ей не помешал бы помощник. Вдвоем можно больше привезти, больше продать, увеличив оборот. Опытному инженеру было сродни пощечине променять завод на прилавок. Получался замкнутый круг: отсутствие перспектив на старом месте и нежелание прийти на новое.

Дети понимали, что между родителями возникло напряжение. К тому времени старшие брат с сестрой уже учились «на бюджете» в местном университете, получая «корочки» для статуса. Юрка же наслаждался беззаботной подростковой жизнью со своими увлечениями. Сходить, к примеру, на соревнования по фитнес-аэробике, чтобы поглазеть на задницы в лосинах. Запустить «капитошку» из кондомов. Потусить в подъезде, а еще лучше – завалить на дискотеку.

Дискотеки проходили в местном клубе. Главное его достоинство – близость, дешевая цена и орущая популярная музыка. Потоптаться под «Асю басю» с «Технотроником» и другими хитами всегда было много желающих.

Зал старенького ДК был скромным, зато просторным. По периметру стояли скамейки, с одной из сторон сгустились столики. Столики обычно пустовали, зато в туалете было не протолкнуться. Несмотря на осмотр, подростки проносили бутылки с импортными наклейками, алкогольное содержимое пили из горла. Закуривали выпитое так интенсивно, что

можно было топор вешать.

Юрка сначала прошел в «туалетный бар». Хлебнул лимонного, отполировал ореховым, выкурил две сигареты и пошел на разведку в зал.

– Юрич, привет, – кто-то зацепил его за рукав и потянул в сторону.

Парень оглянулся – рядом стояла Машка Вострикова, подруга детства. Мелкими они лазали по заборам, играли в «Казаки-разбойники» и ножички. Машка всегда была своим пацаном. При случае могла и наkostenить.

Из щупленькой угловатой девочки-сорванца с вечными синяками и коростами выросла вполне аппетитная девушка. Густо накрашенные глаза смотрели умоляюще.

– Привет, Машка. Чё стряслось?

– Слушай, друг, ты же общаешься с Пашкой кучерявым?

Пашка был местной легендой. Хронический двоечник и прогульщик, второгодник и хулиган, о котором мечтали все или почти все девчонки. Кучерявый стопками получал анонимки с признаниями в любви, периодически радовал обожательниц вниманием и близостью, не углубляясь в серьезные отношения.

У него был волнистый чуб над коротко стриженными боками. Отчасти из-за прически он получил прозвище, отчасти за вечно кучерявую жизнь. Сейчас он стоял посреди танцпола и, закрыв глаза, крутил головой под «Доктора Албана». Девчонки подвижно танцевали перед ним, пытаясь обратить

на себя внимание и злясь, что Пашка оставался на своей волне.

– Знаю, и чё? – спросил Юрка.

– Познакомь меня с ним, – попросила Машка.

– Да поть ты! Туда же, что ли?

– Ну пожа-алуйста! – подруга детства затрясла его за рукав.

– Ладно, скажу, чтоб подкатил к тебе.

«Иц май лайф» как раз закончился, и Пашка приоткрыл глаза.

– Здоров, чувак! Как сам? – поздоровался за руку Юрка.

– А? Зашибись, – Пашка довольно улыбнулся. – Орет только тихо.

– У тебя вечер спланирован? А то краля одна рвётся... Вон та, рыжая, сисястая.

Машка явно нервничала. Она стояла в нескольких шагах, глядя на парней и не зная, куда давать руки.

– Неплохо, очень даже неплохо, – оценил кралю кучерявый. – А сам чё?

– Подруга детства – она ж как сестра. Не буду ж я сестренку драть.

– Я бы послал все принципы.

– Может и пошлю, – пожал плечами Юрка. – А пока не стоит. Так что забирай, пока она не нажралась.

– Пожалуй, заберу, – довольно усмехнулся Пашка и кивнул головой, приглашая подойти.

– Зовут её Машка, и не Кулачкова, – оба захохотали пошлой шутке.

В середине скамеек, расставленных по периметру зала, сидела *она* – в дерзкой джинсовой мини-юбке, полупрозрачной кофте, пестрых лосинах, в кроссовках с яркими шнурками. Олимпийка с широкими полосками небрежно лежала рядом. Появляющиеся сквозь яркую помаду пузыри розовой жвачки, утомленный взгляд через густо накрашенные ресницы, обесцвеченная челка «карлсон» – просто красава.

Юрка решил впечатлить незнакомку. Он подошел и, не расфуфыриваясь, приступил к атаке.

– Слышь ты, чамора, чё жопой прилипла? Пойдём потремся.

– Рамцы попутал? Ты к лохушкам так подкатывай.

– А я к кому? Лоходранью останешься, если со мной не пойдешь.

– Борзеешь, парнишка. Не мельтеши, свали нахер.

– Свалю, с тобой.

Юрка схватил ее за руку и дернул к себе. Худенькое тельце оказалось рядом.

– Эй, ты чё, охренел? По-русски совсем не понимаешь? – красава попыталась отстраниться.

– «Бед, бед, бой, ага-а..» – начал напевать «Миди макси»

Юрка, прикрыв глаза от удовольствия и покачиваясь в такт.

Сцепленные за спиной руки он не собирался разъединять.

– Да ты псих! – злилась красава.

– Это ты психопатка хренова. Песню дотанцуем и бухать пойдем.

Красава притихла – то ли от перспективы халявного бухла, то ли разглядела-таки в наглеце харизма.

– Я, кстати, Юра, в честь Гагарина назвали, – представился кавалер, когда девица успокоилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.